



ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

27 апреля 1942 г. меня мобилизовали на фронт. Было мне тогда 20 лет. Вместе с другими девчатами одели в мужскую форму, безразмерные американские ботинки, посадили в поезд и повезли на фронт. Месяц везли, куда везут – никто не знал. Девчата кто слезы льёт, кто песни поёт, однако всем было тревожно. Привезли в г. Шахты. Там я впервые стояла на посту, а в это время город начали бомбить. Земля под ногами гудит от взрывов, кругом пожары, горели горы угля, было страшно, но пост я не бросила, за что получила первую благодарность от старшины. Вместе с нашими частями мы

ЕФРЕМОВА ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА

отступали. Около села Константиновки стали переправляться через Дон. Накануне прошли сильные дожди, река разлилась, вода стала грязно-коричневой. Выше по течению немцы разбомбили цистерны с топливом, оно растекалось по реке и горело.

В первую очередь на паромов переправляли раненых. А тут налетели немецкие самолёты и стали бомбить переправу. От парома только щепки, да части человеческих тел взлетели на воздух.

Кто-то крикнул: «Танки подходят к станице!». Поднялась паника. Все стали вплавь переплывать на другой берег, где росла осока выше человеческого роста и прятаться там.

Я плавала хорошо. Кто не умел плавать, пользовались подручными средствами – брёвнами, досками мешками с мукой и т.д. Много чего тогда плыло по реке. А немцы на истребителях пикировали и расстреливали плывущих и находящихся по берегам Дона. Видно было даже, как они улыбались и расстреливали наших. После этой переправы от нашей роты в 360



человек осталось 80. Мобилизовали меня с подружкой Аней Огарковой, думали, что вместе будем на войне. Да не судьба. На переправе Ане оторвало руку по плечо, и она умерла от потери крови. (Как кричала ее мать, когда я вернулась одна с фронта!). При переправе покидали мы ботинки, часть обмундирования и за три дня босиком пришли к месту формирования частей в село Осиновку. Построили нас перед расформированием в шеренгу. Приехал лихой командир на коне, увидел нас сплюнул, и говорит: «Нашим хлопцам не до баб сейчас». Развернулся и уехал. Никто нас брать не хотел, вид у нас был тогда жалкий. Только после особого указания командования роту расформировали по воинским частям. Так я попала в 22-й батальон инженерно-технического обслуживания аэродромов. Через месяц нас уже было не узнать: одели в женскую форму, научили стрелять, с завязанными глазами собирать и разбирать автоматы. Я и сейчас помню номер своего автомата 4613. Женщины на фронте оказали большую помощь армии, освободили солдат, занятых на хозяйственных работах, для службы в строю. Первое время работала я поваром, варила солдатам галушки, да кашу. Нелегко на войне, котлы были огромные, воды надо было много, а тяжело она доставалась вода-то. Особенно – в Ста-

линграде, где шли жестокие бои за каждую пядь земли. Волгу обстреливали, местами, ведь, немцы вышли к её берегу. Обычно носили воду легко раненые солдаты. Ждешь его с водой, ждешь, а его уже нет, убили. И тогда сами шли за водой. Когда был снег – воду из снега топили, были трудности и с продовольствием. Ждешь машину, а её разбомбили или где-то завязла на бездорожье. Вот и крутились, варили кашу «из топора». После Сталинградской битвы направили меня на курсы радиооператоров в Вольское авиационное училище. Там я была комсоргом. После окончания курсов и до конца войны служила в роте связи. Работы было много. Когда надо было, работали день и ночь. Хорошо, если час в сутки удавалось отдохнуть, а то и этого не было. Жили в землянках. На КП приходилось ходить ночью одной. Идешь лесом, снег под ногами скрипит, только смотришь влево, вправо, а где сук треснет, так и сердце замирает.

Аэродромы часто были от линии фронта в 2-3-х км. В храбрости наши девчата не уступали мужчинам, а иногда и им дух поднимали. Немцев не боялись и смерти тоже. Только сухой паёк свой, который выдавали с вечера на следующий день, съедали сразу же под предлогом «а вдруг меня завтра убьют?»

Мы, радисты, постоянно под-



держивали связь с лётчиками, ведущими бой, слушали их разговоры в бою, первыми узнавали, кого из наших уже нет в живых. Как сжимались девичьи сердца, сколько было пролито слез, сколько было ненависти к фашистам – слов нет.

Бесстрашные они были, наши лётчики, все герои, молодые, красивые – жить бы да жить! Да нет, пошёл в бой, похлопал по плечу: «Ну, пока!» А в эфире слышишь, что сбита «пятерка», а мы то знали, кто в экипаже «пятерки». Никогда не забуду, как погиб лётчик Виктор Корзнев. В бою сбил самолёт врага, но и его подбили. Слышу командир ему приказывает: «Прыгай! Прикрою!». А он в ответ: «Куда, к немцам в плен?!» Бой шёл над территорией, занятой немцами, и спикировал он на вражеские цистерны с горючим. Взрыв был очень сильный, даже у нас земля вздрогнула, неделю не затухал пожар, который мы наблюдали за линией фронта. За этот подвиг Виктору Корзневу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а эскадрилья, в которой он служил, присвоено его имя. А Володя Вишняков на подбитом самолёте совершил таран, погиб сам, ему тоже присвоено звание Героя Советского Союза. Однажды привели на допрос катапультировавшегося немецкого аса. Грудь его вся медалями увешана. Попросил показать

ему того лётчика, который сумел его сбить. Вызвал командир восемнадцатилетнего Володю Гаранина, а у аса и глаза из орбит полезли. Впоследствии Володя тоже получил звание Героя Советского Союза.

Тяжело было лётчикам на войне. Вылеты ежедневно, а иногда 5-6 раз в день. Вспоминается случай, когда необходимо было ещё лететь на задание, а лететь некому и командир приказывает лётчику, совершившему уже 3 боевых вылета, снова лететь. Тот говорит: «Устал я, сил нет больше». А командир: «Лети, надо». И когда не вернулся тот лётчик с задания, плакал командир: «Это я виноват, что он погиб, я же знал, что он погибнет».

Иногда сам командир в нарушение всех инструкций вылетал в таких случаях на задания. Быстро сели командиры на фронте: молдой, а уже весь белый как лунь.

Много интересных людей приходилось мне встречать на дорогах войны. Шесть месяцев базировалась у нас на аэродроме знаменитая 32-я Гвардейская дивизия, которой командовал генерал-майор Ухов. В этой дивизии было много Героев Советского Союза: И. Холодов, В. Луцкий, Шульженко и др. Служил в этой дивизии и сын Сталина Василий. Однажды Василий нарушил строгий приказ командира и самовольно один взлетел и завязал бой с 6-ю вра-



жескими самолётами, сбил 2, но и его подбили, на помощь послали нашу шестёрку самолётов, немцы улетели. Тогда Ухов попросил меня соединить его со Ставкой и сообщил Сталину, что его сын не подчинился приказу. Сталин молча выслушал и приказал: «Разжаловать и направить в штрафной батальон». Что было и сделано. Но через месяц Василий вернулся в нашу часть, а когда улетела эскадрилья, был уже майором.

Много всего видела я на войне. Приходилось хоронить наших людей, на посту стоять одной, когда кругом бомбы и снаряды рвутся. Долг свой перед Родиной я выполнила, в грязь лицом не ударила. Имею три личные благодарности Сталина, награждена пятью фронтовыми медалями, орденом Великой Отечественной войны II степени и многими юбилейными наградами. Ещё одна интересная встреча произошла у меня с однополчанином – старшиной Крикуном Сергеем Кондратьевичем. Мы с ним служили в одной дивизии, но в разных БАО. Я – связист у лётчиков истребителей, он – у лётчиков - бомбардировщиков. Когда взлетали на задание бомбардировщики, то сопровождали их наши истребители. У меня позывные были «Берёзка», а у него «Волна». Часто мы с ним переговаривались, вызывая друг друга на связь: «Волна, Волна», «Я – Берёзка», «Я – Берёзка», «На связь». А друг друга

не видели ни разу. И вот, работая в Находкинском рыбном порту через много лет после войны встретились. Оба работаем в одном порту, он – составителем поездов, а я – приёмосдатчиком. «Так вот какая ты «Берёзка» – услышала я от него при встрече.

Вспоминая всё пережитое, сравнивая сегодняшнюю жизнь, хочется во весь голос сказать молодёжи: «Цените мирные дни, годы и не забывайте тех, кто в молодые годы отдал свою жизнь за то, чтобы вы видели только голубое небо, зелень цветов и счастливые лица близких».

Нет, это не заслуга, а удача
Стать девушке солдатом на войне.
Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в День Победы стыдно было б мне!

С восторгом нас, девчонок, не встречали:
Нас гнал домой охрипший военком.
Так было в сорок первом. А медали
И прочие регалии потом...

Смотрю назад, в продымленные дали:
Нет, не заслугой в тот зловещий год,
А высшей честью школьницы считали
Возможность умереть за свой народ.

Юлия Друнина